

Первое имя он получил при крещении, второе – став иноком, третье – приняв малую схиму. А четвертое должен был обрести завтра – с принятия великой схимы.

Монах волновался, готовясь к постригу, без перерыва читал Псалтирь. Свеча у оконца кельи едва светила. Не отрываясь, он смотрел на пламя, казалось, оно трепещет вместе с дыханием. Взор обратился внутрь – он стал вспоминать.

Отец привел его в монастырь, когда ему было девять, пару лет спустя после смерти матушки. Нашли их утром: мать и сына, сжимавшего туесок с ягодами. С того времени он перестал разговаривать, а ночами стал блуждать во сне и плакать. Отцу посоветовали отвести мальчика к монахам, тот так и поступил.

Настоятель оказал великое доверие и взял служкой в храме. Затем, в отрочестве, его приняли в семинарию, где он отучился шесть лет.

После отправился служить в большое село, там женился и был рукоположен в священнический сан. Хиротонию провели во время Божественной литургии святителя Василия Великого.

Вскоре родилась дочь. Впервые взявши ее в руки, он ждал, что она закричит, но она молчала. Веки ее были плотно сомкнуты и так и не отворились. Девочка родилась незрячей.

Что-то должно было шевельнуться тогда в сердце его, но не шевельнулась. Пусто.

Он назвал ее Васса – с эллинского – пустыня.

Семьей он тяготился, может, поэтому детей больше Бог не дал. Несколько лет спустя жена отошла в мир иной – так же тихо, как и жила. Схоронили без дочери, с несколькими прихожанами. После того он просидел в храме несколько часов, но не горевал, а молча смотрел на свечи и ни о чем не думал.

Поминания прошли так же тихо, дочь горевала, но утешать он не умел. Раз обнял ее неловко, некрепко, девочка всхлипнула и засопела тихо-тихо.

Дни потекли своим чередом: крещения, венчания, отпевания, поминки. Жизнь проходила где-то там, души его не трогая.

Хозяйство он вел не вникая, жизнь виделась будто через мутное стекло. Ему чудилось, что сам он где-то в глубине, внутри. И потому ни радости, ни горечи мирские не могли тронуть его. От обязанностей он не отлынивал, но видел себя лишь в монашестве и отшельничестве. Отречение от мира казалось возможностью обрести покой и через то Бога.

Тягучим, вязким сном прошло еще несколько лет. Дочь выросла, пришла пора искать ей мужа. Тут кстати подвернулся переселенец – бывший терской казак Гребенского полка. Ударили с ним по рукам и выдали дочь за его сына. Хозяйство священник все распродал, а деньги отдал зятю.

Обвенчал сам, тихо, свадьбу играть не стали. Ранним утром усадил дочь на телегу, расцеловал трижды и проводил до выезда. На жительство отправились в соседнюю губернию.

Исполнив долг, принял постриг и удалился в монастырь Святой Троицы, стоявший на берегу Волги. Некоторое время пробыл иеромонахом: проводил те же священнические службы, а позже принял малую схиму. Многие годы прошли в тихом монашеском бытии: молитвах, посте, труде.

В монастыре было множество послушников и иеромонахов, были также и схимники. Еще жило несколько старцев – духовных отцов-наставников.

На отшельничество игумен благословлял не каждого и только с разрешения личного духовника. Но ему даровали благословение на принятие великой схимы и затвор вдали от монастыря. Можно было остаться и среди братии, но он решил уйти.

Духовником был отец Серафим – светлый, улыбчивый старец. Он носил грубую домотканую рясу, литой крест на груди и кожаные четки – лествицу.

Накануне пострижения в великую схиму он поучал монаха изречениями святых отцов и строками из Евангелия:

«Царствие Божие внутрь вас есть».

«Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

«Когда молишься, войди в клеть твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему втайне».

«Всё же обнаруживаемое делается явным от света, ибо всё, делающееся явным, свет есть».

И последнее, что он сказал ему – слова Христа:

«...Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни».

На том старец покинул его.

И вот, этим вечером, он остался в своей келье один. Вся жизнь, весь путь уместились пару часов воспоминаний.

Старик вынырнул из прошлого, будто из сна – свеча так же горела у окна и дрожала. Фитиль фырчал и плевался. Чудилось, что пламя приближается к нему. Язычки плясали все ближе и ближе. Огонь слепил, но не жег.

Первый солнечный луч пробился в келью. Монах прикрыл глаза – снова померещилось тройное пламя свечи.

Монах облекся в длинную белую рубаху, приготовленную накануне. Постриг должен был состояться на ранней литургии, потому основные приготовления были сделаны загодя.

Еще засветло братия расставила лампы и зажгла свечи в храме, устлала путь к алтарю дорожкой. Внутри было еще темно, но косые солнечные лучи прорезали оконца и бликами плясали на окладах икон. Все перебивал плотный и тягучий аромат ладана.

Старик босой, облаченный лишь в рубаху, полз из притвора в центральную часть храма, братя пели тропарь: «Поспеши открыть передо мной объятия Отца, ибо я в блуде растратил свою жизнь, но ныне взираю на неоскудевающее богатство Твоих милостей. Не презирай мое обнищавшее сердце, ибо к Тебе с умилением взываю: согрешил я, Отче, пред небом и пред Тобою».

Братья-иноки шли рядом с ним, прикрывая мантиями. Так дошли до алтаря, остановились у амвона, старик распластался, раскинув руки крестом.

– Бог мудрый, яко Отец чадолюбивый, зря твое смирение и истинное покаяние, чадо, яко блудного сына приемлет ты кающегося и к Нему от сердца припадающего, – произнес игумен и прикоснулся к нему, это был знак, что можно встать.

Старик встал, пламя зажженных свечей отразилось в его слезах.

Во время обряда игумен задавал вопросы, а старик отвечал на них. Трижды бросал игумен ножницы к его ногам, а он поднимал и подавал. После третьего раза игумен состриг волосы с макушки в форме креста.

– Брат наш Иоанн, постригает власы главы своя, в знамение отрицания мира и всех яже в мире и во отвержение своя воли и всех плотских похотей, во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

– Аминь, – отозвалась братия.

Так старик впервые услышал свое четвертое имя.

Стали облачаться, каждую одежду игумен благословлял, а старик целовал ее, и руку настоятеля.

Первой подали власяницу – подрясник из грубой ткани. Затем аналав – четырехугольный черный плат с крестом и надписями по краям «Помилуй нас, Святыи Боже, святыи крепкий, Святыи Бессмертныи». Следом надели рясу и пояс, поверх мантию, а на голову куколь – черную, остроконечную шапку с крестами. Одежды символизировали доспехи в духовной битве с дьяволом. На ноги надели сандалии, затем подали кожаные четки – лествицу, а в правую руку вложили крест и горящую свечу.

– Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир. А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого. И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие, – словами апостола Павла обратился игумен к братии и постригаемому.

Продолжил словами Христа из Евангелия от Матфея:

– Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня... Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко.

Чин закончился.

Подошел духовник Иоанна – Серафим.

– Радость моя, – обнял и поцеловал трижды.

Далее прошло в полном молчании, братья подходили по одному, обнимали и целовали.

Неделю провел Иоанн в храме, в полном одиночестве, за чтением священных книг и поучениях святых отцов.

День ушел на сборы, а на завтра старик отправлялся в затвор.

* * *

Весна. На черную жирную землю падал последний легкий снег и сразу таял. Уже неделю как лед сошел с Волги, и на тот берег можно было отправиться на лодке. Небо стояло серое и смурное, будто опустилось прямо на землю.

Братия собралась на проводы схимника – редко кто отправлялся в дальний затвор. Встали на пологом берегу, наблюдая за сборами. В лодку уселись трое братьев.

Другой берег высился песчаным яром и упрямыми соснами. По самым верхушкам деревьев стелился вязкий седой туман. Дальше тонкая кромка неба пропадала в серых тучах.

Зазвучал частый благовест – били в большой колокол, призывая братию на службу. Звук гулко отражался от холодной воды, братья, не сговариваясь, стали грести в такт ударам. Лодку качало и несло течением.

Внезапно все стихло, стал слышен лишь плеск весел об воду, а старику чудилось, что колокол все так же бьет, но уже у него в голове.

Наконец сошли на берег, лодку привязали. Сквозь камни, песок и корни сосен углубились в лес. Пошли по тропе к озеру – здесь стояла землянка.

Братья распрощались. Старик остался в полном одиночестве. Он вошел в келью, упал на колени и стал молиться. Началось его подвижничество.

* * *

Путь начался с дел земных – нужно было готовиться к зиме. Впереди была вся весна, лето и осень. Зиму же полагал провести в молитвах и посте.

Иоанну здесь нравилось: небольшое озеро в глухом лесу, среди сосен и елей. Густой черничник рос по торфяному берегу, дальше шла сплавина. Ступая на нее, нога утопала во мху и пружинила. Повсюду зеленели низкие кусты клюквы. Лишь в самой середине огромным зеркальным окном блестела темная и холодная вода.

Поздней весной на глади озера показались кувшинки.

Летом комары стояли сплошной жужжащей стеной, которую можно было осязать ладонями. Из перелеска вспархивали тетерки и глухари, а из кустов нередко выскакивали зайцы. Одного он заметил однажды; тот смотрел на него долго-долго и робко. Иоанн все ждал – когда же убежит, но тот не убежал. Но вот монах отвернулся – а когда обернулся, зайца уже не было.

Отзвенело лето, ночи стали длиннее. Звезды мерцали все ярче, часто падали целыми ворохами, оставляя в небе хвосты. Обеты было блюсти несложно: людей вокруг не было, брат-инок приходил раз в месяц: приносил сухарей и немного провизии, справлялся о здоровье и уходил.

Осень выдалась ветреной и солнечной, озерная гладь вся была усыпана рыжими листьями. По краям болот и в низинах уродилось замеча-

тельно много грибов: боровики и обабки. Старик сушил их под потолком – на зиму. Также запасался ягодами, травами и кореньями.

Зарядили дожди, ночи стали холодными. Лес готовился к долгому и темному сну.

Пришла пора приступать к трудам духовным.

Иоанн начал со строгого поста – четыре дня пил лишь ключевую воду. День первый всегда давался легко и привычно. Утро второго дня уже было другим – тело просило воды, благо ее было в достатке.

С третьего дня Иоанн уже лежал, не вставая, поскольку тело слабло, но спать было совершенно невозможно. Он пил беспрестанно, а вода не утоляла жажды. День четвертый был тяжким, тело искушалось слабостью. Старик спасался бесконечными молитвами – пот градом капался со лба, а спина вся умокла. Желанный сон никак не шел, сутки прошли что в бреду. Ночь была длинной и наполненной бесконечными бесовскими сновидениями.

Иоанн ощущал себя будто в воде, тело казалось ватным. Чудилось, что он тонет и задыхается. А потом – будто он под землей. Невозможно было пошевелить ни рукой, ни ногой. Стал про себя творить Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, Господи Иисусе Христе, помилуй мя, Господи Иисусе Христе...» Стало легче, тяжесть отпустила его, и вот уже он под крышей кельи и болтается там, будто лист на ветру. А вон лежит его старое, изможденное тело, горит лампадка.

На пятый день слабость сменилась легкостью.

Иоанн проснулся засветло, в землянке было темно и глухо. Голод ушел, тело сдалось и будто исполнилось воздуха. Иоанн пролежал несколько часов в полной тишине. Обонял запахи сырой земли и мха, слышал голоса леса и дыхание ветра. А может, все это чудилось ему, Иоанн не знал.

Легкий свет пробился в оконце его кельи. Монах поднес ладонь к глазам – она двоилась и будто оставляла след в воздухе. Все было зыбким, казалось, и время течет иначе.

Он вдохнул и ощутил движение в своем теле. На миг вообразил себя самим воздухом.

Пустота. Чистота и свет. Каждый миг ощущался с пугающей ясностью.

Отворил дверцу и ползком вылез из землянки. На озере еще ткался легкий туман, но солнце уже золотило верхушки сосен. Облака горели пожаром. Взял посох и в одной рясе пошел к высокой старой березе, что росла у берега. Он смотрел то на свои босые ноги, что ступали по палым листьям, мху и сухой траве, то на березу.

Иоанн смотрел на солнце, ему чудилось, что можно прикоснуться к нему. Мерещился двузвон к утрени. Старик опустил голову, взгляд упал на ствол березы. Он вникал в каждый узор на ее коре, видел муравьев, спешащих по делам. Закинув голову, рассматривал ветви и любовался тем, как они качаются на ветру.

Острое чувство красоты пронзило старика – он увидел природу во всем великолепии, во всем миге Его славы. Не отрываясь, смотрел на колышущиеся ветви, всецело поглощенный чувством. Восторг и радость охватили его – он видел древо осиянным и себя ощущал в свете. Упал на колени и заплакал – искренне славословил Отца Небесного и Божью Матерь за дарованную благодать.

Когда очнулся, солнце было уже высоко. Старик сел. Монаха переполняла благодарность Всевышнему – он знал, что светлая печать озарения теперь навсегда останется с ним.

В сей день Иоанн не сидел в землянке, благо дождя не было. Любовался жизнью, силясь хоть на вздох ощутить отблеск утреннего чуда. Босиком ходил по густому мху на заболоченном, торфяном плоту лесного озера. Собирал кислую клюкву и горстями кидал ее в рот – иссохшее тело отозвалось всплеском радости – и о нем наконец-то вспомнили.

Вернувшись, достал сухарь в тряпице и стал его медленно сосать, хлебный сок казался сахарным. Вечером не пошел внутрь, а развел костер у землянки и всю ночь любовался сполохами падающих звезд.

Благодаря.

Вечером следующего дня Иоанн сидел в темной землянке, освещаемой лишь парой свечей, и уже несколько часов мысленно творил краткую молитву:

– Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Господи Иисусе Христе, помилуй мя. . .

Пот стекал по лицу и искушал остановиться, но монах продолжал. Следом должно было подключиться сердце, и только тогда и получится истинное умно-сердечное делание. Преодолея позывы тела: дернуться и смахнуть пот, прилечь, зевнуть. Отогнал мысли о чернике, образы купания в озере и желание сна. Прикрыл глаза, но не полностью – так важно не провалиться в сновидение – и подошел к главному.

Слова в голове лились сплошным потоком, звук стал слышен изнутри, он ощутил свое дыхание: как поднимается грудь, как воздух со свистом входит через ноздри, тело сдалось и окаменело. Одновременно он начал внимать своему сердцу. Оно запрыгало прямо возле шеи, но монах знал – это не сердце поднялось, это его дух опускался вниз. Он прочувствовал свое сердце: его неровное биение, его прыжки и затухания.

Тьма. Иоанн узнал эту неестественную, густую темноту. Время замерло, он опускался к сердцу, ниже и ниже, слева показался свет. Ему виделся дом, а в оконце свеча – нужно туда. Вплыл в маленький домик, что напоминал избу родителей, в которой он рос: земляной пол, низкий потолок, лавки вдоль стен, свеча у окна.

Он вошел в сердце свое. Но дом был пуст, здесь никого не было. Раз за разом опускался он в сердце свое, но встречал лишь пустоту. И лишь свеча в окне горела слабой и все более тонкой надеждой.

* * *

Годы шли, монах завел огородик, а на зиму заготовливал дрова. В канун праздничных и воскресных дней отправлялся в монастырь к ранней Литургии за причащением Святых Тайн.

В одну из ночей в землянку явился старец Серафим, в длинной белой рубахе до пят. Иоанн сел с ним за стол. Серафим улыбнулся и перевернул кружку: «Из порожнего не пьют, не едят, радость моя». Монах проснулся и сел на лавке – все было точь-в-точь как во сне: лучина, тишина, ночь, чай на столе, пустая, перевернутая кружка.

Наутро Иоанн отправился в монастырь. Духовник, отец Серафим – упокоился.

* * *

Это было чудесное время межсезонья: слияние в танце красавицы осени и невесты зимы. Плакучие ветви берез еще не сбросили рыжие кудри.

Снежинки кружились и оседали на прелую разноцветную листву, Иоанн молчал, глядя себе под ноги. Шел медленно, наблюдая, как сандалии оставляют следы на белом покрывале первого снега. Поднял голову: солнце сверкало и искрилось в тысячах бриллиантовых отражений, над лесом висела небольшая дымка.

Накануне пришел из монастыря инок и принес весть – к Иоанну приехала дочь с мужем и просила встречи. Иоанн сомневался недолго и дал согласие кивком.

На следующий день снег уже тихо лежал, укрыв всю землю, березы же горели неугасимым огнем. Сухая замерзшая трава хрустела под ногами, а мох трещал и продавливался.

Он ждал гостей с самого утра и вот услышал голоса и детский смех – что это? Кто это с ними?

Первыми вышли на опушку брат-инок и крестьянин, затем Петр – зять, за ним шла Васса, а позади всех девочка лет семи.

– Пришли, – сказал Петр.

– Где он? Отведите меня, – попросила Васса.

Петр подвел жену – она стала ощупывать лицо отца тонкими, сухими руками.

– Отец? Тятя. Похудел, борода длинная, брови-то... – улыбнулась, – какое лицо у тебя стало. Слышала, принял строгий обет молчания?

Иоанн кивнул.

– Ладно, – сказала Васса, – посмотри, кого я тебе привела, младшенькая моя – Зоя. Пусть хоть она деда повидает. Зойка, доченька, иди ко мне.

Широколицая, с чуть раскосыми ярко-голубыми глазами девочка подбежала, щеки ее горели румянцем от легкого холода.

– Смотри, Зоя, это твой дед, он монах. Как *теперь* тебя зовут, отец?

– Иоанн, – подсказал инок, который привел их. – Схимонах Иоанн.

– Внучка на тебя очень похожа, вот и муж так говорит.

– Здравствуй, деда, – сказала Зойка.

Дед ее пугал – у него было сухое, вытянутое лицо. Черная одежда вся была исписана огромными белыми буквами, выглядел он строго и страшно.

Иоанн опустил на одно колено и стал разглядывать ее. Девочка и вправду была похожа на него. Еще она была очень похожа на его мать – Агапию.

Иоанн кивнул в сторону землянки, приглашая гостей внутрь. Петр, Васса и Зоя пошли за отшельником. Крестьянин вернулся к лошади, а инок остался снаружи.

Монах присел на пенек, гостей посадил на лавку. Васса стала что-то говорить, Петр молчал. Зоя разглядывала красный угол, где мерцала лампада среди темных икон. Иоанн смотрел на девочку. Он вспоминал матушку и ее песни. В голове чудным образом сплетались прошлое и настоящее. Когда-то он смотрел на мать таким же малым ребенком и вот теперь – смотрит на нее как на ребенка, но уже стариком.

– Зоя, доченька, спой нам, – сказала Васса.

Девочка встала и затянула чистым, звонким голосом:

Владычице Пречистая, Царице, Мати Божия:
Радуйся, Невесто Невестная.

Святая Дево чистая, руно, росу приявшее:
Радуйся, Невесто Невестная.

Небес светлейших высшая, самих лучей светлейшая:
Радуйся, Невесто Невестная.

Девичьих ликов радости, бесплотных сил святейшая:
Радуйся, Невесто Невестная.

Небесных высей светлая, Всевышнего селение:
Радуйся, Невесто Невестная.

Марие приснохвальная, Владычице всепетая:
Радуйся, Невесто Невестная...

Васса улыбалась и из ее пустых, вечно сомкнутых глаз лились счастливые слезы.

– Молодец, дочка, – подал голос Петр, впервые за все время.

Иоанн кивнул в знак согласия.

В какой-то момент, в отблеске свечей Петру показалось, что у тестя заблестели от слез глаза. Но, наверное, все же показалось.

Выпили брусничного чая, Васса все так же что-то говорила, Иоанн не слышал. Он смотрел на внучку, та уже лазила по землянке. Посидели немного в тишине.

Пора было собираться – скоро начнет темнеть. Зойка выбежала раньше всех, взрослые вышли неспешно. На поляне перед землянкой уже ждали крестьянин и инок. Иоанн посмотрел на инока, тот передал старику большой, печатный пряник.

– Зоя, подойди к деду, – сказал Петр.

Девочка подбежала и стала перед стариком. Опустила глаза и спрятала руки за спиной. Смотря в лицо внучке, он протянул ей угощение.

Девочка подняла голову и все так же, не убирая рук из-за спины, схватила пряник зубами. Петр удивленно поднял бровь, а потом рассмеялся – Зоя уже где-то измазалась сажей и, кажется, дегтем, все руки были черными. Иоанн заулыбался, от прежнего каменного выражения лица не осталось и следа.

Постояли, пришла пора прощаться. Иоанн пожал руку зятю, дочь обнял, внучку поцеловал в щеку. Крестьянин двинулся к телеге, гости тоже потихоньку пошли. Иоанн какое-то время стоял, а потом зашел в землянку.

Инок пошел последним. Шел он недолго, как вдруг его обогнал схимонах Иоанн в одном подряснике.

– Васса! Дочка! – крикнул Иоанн. Впервые за много лет звук вырвался из его уст и резал слух – он так отвык от своего голоса – тот оказался на удивление звонким и громким.

– Тятя? – Васса обернулась.

Иоанн догнал дочь и крепко обнял ее. Старик плакал, Васса тоже. Затем монах сгреб внучку, стал целовать ее и тискать:

– Зойка, Зойка! Внушенька, сокровище, радость моя, какая же ты красавица, умница. Ты очень похожа на свою прабабушку, ты знаешь?

Петр замер, в этом монахе-старике он узнал себя – когда-то, вернувшись с войны, так же не мог надышаться, нацеловаться, наестся родными. Он не очень любил тестя и совсем его не понимал, но тут увидел в нем что-то, сделавшее его земным и понятным.

– Вы... идите пока, – произнес старик, – я внучке сказать хочу кое-что.

Петр и Васса немного отошли, крестьянин и инок ждали их у лошади. Иоанн, опустился на колени перед девочкой и, глядя ей в глаза, произнес:

– Благослови, матушка.

Девочка улыбнулась и осенила старика перстами.

Монах склонил голову и поцеловал ей руки, а потом ноги. Затем встал и проводил к родителям.

Телега медленно ехала по размякшей дороге, возя колесом. Девочка сидела сзади и махала деду рукой, улыбаясь. Васса плакала. Иоанн стоял посреди умятой травы, в простой рясе, без убора, ветер развевал его седые, длинные волосы.

Опять пошел снег. Солнце прореживало легкую дымку светлыми полосами. Близилась ночь.

* * *

В тот вечер Иоанн молился истово, после лет онемения – будто вновь почувствовал себя.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго...

Сердце колотилось уже где-то в висках, тело окаменело. Он лежал на жестких бревенчатых нарах землянки, прикрыв глаза, и молился. Снова оказался во тьме и вот увидел огонек, теперь налево, домик, но на этот раз в нем кто-то есть – маленькая девочка, внучка Зоя. «Зойи» с греческого – «жизнь».

– Здравствуй, – сказала видение.

– Помилуй, матушка, – еле слышно прошептал Иоанн.

– Что с тобой, Василевс? – девочка назвала его первым крещеным именем.

– Я вижу тьму, матушка, и страшусь ее.

– Что же ты? Иди со мной и смотри.

Они стояли лицом к тьме и пустоте, что пугала его столько лет.

– Это не тьма, Иоанн, – девочка назвала его четвертым именем. Иоанн – «бог сжалился».

– Это тень, а тени падают от света. Бог есть Свет, и нет в Нем никакой тьмы, – сказала девочка и улыбнулась синими, чуть раскосыми глазами.

Она взяла его за руку, и он обернулся вместе с ней.

Свет.

* * *

Снег уже лег, листва и трава скрылись под ним полностью, а березы упрямо держались за свой огненный наряд. Брат Фома пришел к землянке схимника. Отворил дверцу, вошел, согнувшись в три погибели. В келье было темно.

Инок позвал схимника, но никто ему не ответил. Зажег свечу, огляделся и трижды перекрестился.

– Свят, свят, свят!

В келье было пусто, ветер гулял по землянке, а на лавке лежал покойный. Он улыбался.